

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ИРОНИИ

Т.Г.Бочина

Россия, Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет

Как известно, стилистический прием иронии своим назначением имеет имплицитное выражение насмешки и акцентирование информации об отсутствии каких-либо качеств. Наиболее частотной разновидностью приема в русском провербиальном пространстве является ироническая антитеза, в которой контрастируют две части высказывания: *Получил (взял) добровольно, наступя на горло* (Д-2,272); *На старости две радости: один сын – вор, другой – пьяница* (Д-1, 300).

Ирония-троп образуется вследствие контраста значения языкового знака и речевого смысла иронической лексемы; при этом важной особенностью является релевантность и узуального, и контекстуального значений ключевого слова. Ирония-прием создается смысловым контрастом нейтрального общепринятого значения языковой единицы и содержания его текстового развертывания, в результате которого формируется внешняя алогичность высказывания, разрешающаяся путем ретроспективного переосмысления семантики слова, не согласующегося с контекстом. Стилистическая значимость приема иронии определяется семантической двуплановостью экспрессивно-иронической лексемы, мнимым нарушением законов синтагматического согласования, эффектом обманутого ожидания.

Среди способов осуществления иронии выделяются два основных, определяемых сильным или слабым отрицанием: экспрессивно-ироническая омоантонимия *Голодны курчата: и проса не клюют* (Д-2,294) и экспрессивно-ироническое отрицание неопредельного характера *Друг сердечный, а как зовут, не знаю* (Д-2,173). Определяющую роль в репрезентации типа иронического отрицания играет вербально-смысловой код поясняющей части контекста,

эксплицитно выражающий актуальный смысл экспрессивно-иронического слова.

Необходимо отметить, что эмоциональная сторона речи, выразительность иронии и её семантические особенности нередко усиливаются словами, находящимися в препозиции к характеризующему слову. Анализируя особое значение прилагательного *хороший* (в краткой форме) в современном русском языке, Д.Н.Шмелев пришел к выводу, что «находясь в препозиции к имени, оно нередко употребляется для отрицательной оценки. При этом, однако, оно получает не только "обратное значение" ("плохой", "нехороший"), но и служит вообще для отрицания значения последующего существительного (или субстантивированного прилагательного)» [Шмелев 1958: 68]. Полагаем, эта функция прилагательного *хороший* сформировалась в результате частого употребления в иронических высказываниях, в том числе типа: *Хорош богатырь, коли пьян с вина на алтын* (Д-2,273); *Хорош молодец: ни коз, ни овец* (Ж,214), где семантика поясняющей части контекста указывает и на ироническую инверсию оценки *хорош* в значении 'плох', и на отрицание приписанного субъекту свойства 'богатырь', 'молодец'.

В паремиях встречаются примеры употребления других прилагательных (а также и наречий) как экспрессивных омоантонимов, отрицающих значение последующего существительного: *Велико диво – опёнки* (РНО,60), т.е. маленькое диво и вообще не диво; *Старый знакомец! Впервые видимся* (Д-2, 229), т.е. не только новый знакомый, а вообще незнакомый; *Ближняя родня: на одном солнце платье сушили* (РС,66), то есть или очень дальняя родня, или чужие. Осмыслению иронического отрицания как предельного может способствовать стилистическая сниженность, задающаяся названием обиходно-бытовой реалии *онучи* в другом варианте *Ближняя родня: на одном солнышке онучи сушили* (Д-1, 303), или язвительно-сатирическая тональность обоснования оценки: *Мы ближняя родня: моя бабушка шла пеши из Царского села, на ней сарафан горел, а твой дедушка подошел, да руки погрел* (СД-1,97).

В высказывании *Много красы: одни скулы да усы* (Д-1, 243) переплетаются две линии иронического противопоставления: первая – количественная противоположность *много – один*, т.е. ‘мало’, и вторая – противоречивые ценностные отношения красоты и скуластости, которая в картине мира русского народа никогда не была эталоном, приметой красоты. Поэтому вторая часть высказывания в зависимости от ситуации речи может пониматься и как аргумент весьма небольшой степени красоты, когда акцент падает на слово *много*, и как знак отсутствия красоты, когда иронически осмысляются количественная и качественная оценки в совокупности, причем последнее представляется более вероятным. Другими словами, наречие *много* выражает значение ‘мало’ и в то же время служит для отрицания значения последующего существительного *краса*.

В паремии *Легко ранили – и головы не нашли* (Д-1,312) актуальный смысл второй части указывает не столько на экспрессивную омоантонимию *легко* в значении ‘тяжело’, сколько на реальность де-факто значения ‘убить’. Другими словами, глагол *ранить* в значении ‘убить’ является омогипонимом кодифицированного *ранить*. Наречие же играет усилительную роль, подчеркивая семантическое расстояние между ними.

Еще один пример экспрессивно-иронического отрицания словосочетания дает изречение *Хитро сколотил ведро: кленки под лавку, а обручи в печь – и не будет течь* (Ж,455). В нем описание реально совершенных действий выполняет функцию указания на отсутствие декларированного *сколотил*. Сложнее обстоит дело с наречием, оно многопланово по своей смысловой направленности. В узусе сосуществуют омонимы: *хитро́* ‘искусно, замысловато, мудрено, затейливо’ и *хи́тро* ‘лукаво, пронырливо’. Сочетание первого из них с отрицательным глаголом алогично: нельзя искусно сделать что-либо, не делая этого. Значение второго, соотносимого с субстантивом *хитрость* ‘умение достигать своей цели, нередко обманом’ определяет возможность контекстуальной релевантности буквальных значений каждого из членов словосочетания: цель «чтобы ведро не текло» достигнута, а хитрость

действия заключалась в том, чтобы его не совершать. Ритмический рисунок *хитро́ – ведро́* устанавливает большую вероятность первого варианта, но и в этом случае второй подразумевается и реализуется одновременно с первым, обогащая ироническое отрицание дополнительными нюансами.

Функцию акцентирования иронического содержания выполняют определительные местоимения, эмоционально-экспрессивные частицы и междометия. Употребление в этой роли местоимений, например, связано с их основным назначением – определения, усиления меры, степени качества. Так, в изречении *Такая красава, что в окно глянет – конь прянет; на двор выйдет – три дня собаки лают* (Д-1,243) утрированное описание реакций на оцениваемый объект со всей определенностью обнаруживает экспрессивно-ироническое значение ‘уродливая, безобразная’, антонимичное нейтральному омониму, а местоимение *такая* только подчеркивает его. В насмешках над теми, кто удивляется чему-нибудь обыкновенному: *Эка диковина – рыба сиговина!* (СД-4,663); *Эко чудо! Корова черная, молоко белое* (РНО,61); *Эко диво – у свиньи пятаком рыло* (СД-1,435); *Эко чудо: два пузыря на ложку* (СД-1,588) значение ‘обычное, неудивительное’ наряду с интонационными средствами определяется посредством воспроизведения банальнейших ситуаций, презентации обычных предметов и атрибутов, а слово *эко* лишь усиливает экспрессию. Аналогична роль междометий и эмоционально-экспрессивных частиц: *Ай молодца – широка лица, глаза узеньки, нос – пятка* (РНО,55); *Вот так ловкий: на лежащую березу до самого верха влез* (РНО,29).

Таким образом, в роли интенсификаторов иронии, которые не только сами используются в противоположном смысле, но и отрицают значение последующего субстантива, выступает не только прилагательное *хорош*, но и другие прилагательные и наречия, определительные местоимения, эмоционально-экспрессивные частицы и междометия.

Литература

Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания.- 1958.- №6. – С. 38-42.

Сокращения

Д - Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В.Даля в 2-х т. - М.: Худ. лит., 1984.

Ж - Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М.Жигулев. – 3-е изд., испр. и доп. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 512 с.

РНО - Русское народное остроумие. Сборник характерных комических пословиц, поговорок, побасенок, прибауток и выражений / Сост. Н.А.С-в. – Казань: б.и., 1883. – 69 с.

РС - Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XX вв./ Изд-е подгот. М.Я.Мельц. - М.-Л.: АН СССР, 1961. – 289 с.

СД - Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1- 4. - М.: Рус. яз., 1981. –